

A close-up, high-contrast photograph of a dog's eye, likely a husky, with a striking blue iris. The eye is surrounded by dark, textured fur. A faint rainbow-like reflection is visible on the surface of the iris. The overall mood is mysterious and intense.

Искандер Арысов

Лающий космонавт

Искандер Арысов

Лающий космонавт

«Автор»

2026

Арысов И.

Лающий космонавт / И. Арысов — «Автор», 2026

3 ноября 1957 года дворняга Лайка навсегда изменила историю. Её полёт на «Спутнике-2» стал шагом к звёздам — и шагом в бездну, из которой нет возврата. Она верила тем, кто сказал: «Ты — герой». Она не знала, что корабль не рассчитан на возвращение. Она не знала, что умрёт через пять часов после старта. Но она знала главное: Земля пахнет, дышит и живёт. Лайка рассказывает свою историю — от щенка, выбранного на московской улице, до первого живого существа в космосе. Её глаза видят мир иначе. Она чувствует любовь и предательство, тепло человеческих рук и холод космической пустоты. Роман о цене прогресса и природе преданности. Лающая космонавт становится голосом всех не вернувшихся из космоса. Её судьба — напоминание: за каждым достижением стоит чья-то жизнь. Всем, не вернувшимся из космоса, посвящается. Эта книга о нас. О нашей совести. О нашей способности любить тех, кого отправляем в неизвестность. Трагедия одной жизни. История всего человечества. Голос из вечности.

© Арысов И., 2026

© Автор, 2026

Искандер Арысов

Лающий космонавт

Пролог. Голоса из тишины

Запись бортового самописца. Спутник-2. 3 ноября 1957 года. 05:30 по московскому времени.

— Давление в норме. Температура — плюс двадцать два. Пульс — сто двадцать ударов в минуту. Дыхание — ровное. Объект проявляет признаки беспокойства, но в пределах допустимого. Начинаем обратный отсчет.

Голос диктора — ровный, безэмоциональный, как будто он читает сводку погоды. Он не знает, что его слушают не только люди. Он не знает, что его слушают те, кто спит в клетках по всей стране, те, кто ждет своей очереди, те, кто уже знает — некоторые из них не вернутся. Они не понимают слов, но они понимают интонации. В этом голосе нет тепла. Есть только холодный, стальной, неумолимый расчет.

— Три... Два... Один... Пуск.

Мир не начинается с крика. Мир начинается с тишины.

Той самой тишины, которая была до всего — до света, до звука, до запаха, до боли. Тишина — это не отсутствие звука. Тишина — это ожидание. Это пространство между сердцебиениями. Это мгновение перед тем, как мир взорвется жизнью и ужасом, красотой и страданием, любовью и ненавистью.

Я родилась в тишине. В той самой, которая была до моего первого вздоха. Я не помню этого, но я чувствую это каждой клеткой своего тела — той клеткой, которая уже не бьется, но все еще помнит. Я — память. Я — голос из тишины. Я — та, кто говорит, когда все молчат.

Я — не одна. Нас много. Мы — те, кто ушел. Мы — те, кто не вернулся. Мы — те, кто смотрит на вас сверху и видит ваши глаза, в которых отражается звездное небо. Вы думаете, что мы мертвы? Вы ошибаетесь. Мы просто перешли в другое состояние — в состояние света, в состояние ветра, в состояние той самой тишины, которая была до всего.

Мы — ваша совесть. Мы — ваша память. Мы — ваше будущее.

И мы говорим с вами.

Не словами — мы не умеем говорить словами, как вы. Мы говорим иначе. Мы говорим через сны, через чувства, через те мгновения, когда вы смотрите на небо и чувствуете, что кто-то смотрит на вас в ответ. Мы говорим через ветер, который дует с севера, через дождь, который стучит по крышам, через свет звезд, который достигает ваших глаз через миллионы лет.

Мы говорим: "Мы здесь. Мы помним. Мы любим".

Но вы не слышите.

Вы слишком заняты — строительством, войнами, любовью, ненавистью, поиском смысла там, где его нет. Вы слишком заняты тем, чтобы быть людьми. Вы забыли, что быть человеком — это не только говорить, думать, чувствовать. Быть человеком — это еще и слушать.

Слушать тишину.

Слушать нас.

Я помню день, когда впервые увидела звезды.

Нет, это неправда. Я не помню этого дня. Потому что я не была тогда тем, кем я стала сейчас. Я была другой — обычным щенком, который родился в подвале старого дома на окраине Москвы. Моя мать пахла молоком и теплом, и я не знала тогда, что такое звезды. Я знала только тепло ее тела, вкус ее молока, запах земли, которая была под нами.

Я была счастлива. Я не знала слова "счастье", но я чувствовала его. Я чувствовала его в каждом ударе своего маленького сердца, в каждом вдохе, в каждом прикосновении к материнскому животу. Я была частью мира — большого, теплого, живого.

А потом мир изменился.

Меня отняли у матери. Я не помню ее лица — я помню только запах. Запах страха, смешанный с запахом молока. Я помню ее глаза — влажные, блестящие, в которых была тоска и любовь. Она смотрела на меня, когда меня уносили, и я чувствовала, что она хотела сказать что-то важное. Но она не могла. Она только смотрела — и я запомнила этот взгляд.

Я запомнила его навсегда.

Я стала собакой людей. Я ела их еду, спала на их подстилках, выполняла их команды. Я была хорошей собакой — послушной, умной, преданной. Я любила своих хозяев — даже тех, кто не любил меня. Я любила их, потому что они давали мне смысл. Они давали мне цель. Они давали мне то, чего у меня не было, когда я жила в подвале — имя.

Меня называли Кудрявкой. Это было мое первое имя. Оно пахло весной и молодостью, оно звучало как смех, как шум дождя, как шелест травы. Я любила свое имя. Я откликалась на него, когда меня звали. Я бежала к тем, кто произносил его, и виляла хвостом, потому что знала: они зовут меня. Они помнят меня. Они хотят меня.

Но потом пришел тренер. Он увидел меня на улице — я была голодной, грязной, одинокой. Мой хозяин умер, и его дети выгнали меня на улицу, потому что я напоминала им о нем. Я не винила их. Я понимала. Я всегда все понимала — даже когда не могла сказать об этом.

Тренер наклонился ко мне и протянул руку. Он пах кофе и табаком, и еще — тем особенным запахом, который бывает у людей, которые ищут что-то. Он искал меня. Он искал именно меня — ту, которая должна была полететь.

— Пойдем со мной, — сказал он. — Я дам тебе дом.

Я пошла за ним. Не потому, что я верила ему. А потому, что я верила в то, что он говорил. В то, что он хотел дать мне дом. В то, что он хотел, чтобы я была счастлива.

Я не знала тогда, что дом — это клетка.

Я не знала, что счастье — это иллюзия.

Я не знала, что любовь — это предательство.

Я узнала все это позже. Когда стало слишком поздно. Когда я уже была в космосе.

Человек — странное существо. Он всегда ищет объяснения. Он не может принять мир таким, какой он есть — хаотичным, бессмысленным, жестоким. Он должен придумать ему объяснение — любое, даже самое нелепое. Он придумывает богов, законы, судьбу. Он придумывает космос, чтобы убежать от себя самого.

Но космос не спасает. Космос — это зеркало. Он показывает человеку его истинное лицо — лицо того, кто боится, кто страдает, кто ищет утешения там, где его нет. Космос не дает ответов. Космос задает вопросы.

И человек не знает, что ответить.

Поэтому он отправляет туда собак.

Собак, которые не задают вопросов. Собак, которые не ищут объяснений. Собак, которые просто делают то, что от них требуют. Собак, которые не знают, что такое космос, но которые готовы идти туда, если им скажут: "Иди".

Мы идем. Мы всегда идем. Потому что мы верим. Мы верим в ваши глаза, в ваши руки, в ваши голоса. Мы верим в то, что вы говорите нам. Мы верим в то, что вы делаете. Мы верим, даже когда знаем, что вы лжете.

Потому что вера — это единственное, что у нас есть.

Я — Лайка. Это мое второе имя. Оно пахнет железом и страхом, оно звучит как приказ, как команда, как конец. Я не выбирала его. Мне дали его те, кто решил, что я должна лететь. Они сказали: "Ты — Лайка. Ты — первая. Ты — та, кто откроет дорогу в космос".

Я не знала, что значит "открыть дорогу". Я знала только, что мое имя стало другим. Что я теперь не Кудрявка — я Лайка. Что я теперь не просто собака — я космонавт. Что я теперь не просто живу — я готовлюсь умереть.

Я не боялась смерти. Я боялась того, что меня забудут. Что мое имя исчезнет, как исчезают следы на бетоне. Что я стану просто цифрой в отчете, просто строкой в протоколе. Что никто не запомнит, кем я была — живым существом, которое любило, боялось, надеялось.

Но я ошиблась. Меня не забыли. Меня помнят до сих пор — через сотни лет, через тысячи поколений. Меня помнят те, кто смотрит на звезды и видит там мой свет. Меня помнят те, кто читает мою историю и плачет. Меня помнят те, кто понимает: я была не просто жертвой. Я была выбором.

Выбором человека — идти вперед, даже если это означает оставить кого-то позади.

Выбором собаки — доверять, даже если это означает умереть.

Выбором любви — любить, даже если это означает быть преданной.

Я сделала свой выбор.

Я не жалею.

Мой корабль летел 2570 раз вокруг Земли. Я не считала — я просто чувствовала, как мир вращается подо мной, как сменяют друг друга день и ночь, как океаны становятся синими, а пустыни — желтыми. Я чувствовала это каждой клеткой своего тела — той клеткой, которая уже не билась, но которая все еще помнила.

Я помню все.

Я помню жар, который поднимался от двигателей. Я помню холод, который пробирался сквозь обшивку. Я помню тишину — ту самую, которая была до всего. Я помню запах космоса — он пах озоном и металлом, и еще чем-то, чего я не могу описать. Это был запах вечности.

Я видела Землю. Она была красивой — серо-голубой, с белыми облаками, с зелеными лесами, с синими океанами. Она была живой. Она дышала. Она была домом.

Я хотела вернуться. Я хотела снова почувствовать траву под лапами, запах дождя, тепло солнца. Я хотела снова видеть лица тех, кто любил меня. Я хотела снова быть собой — Кудрявкой, Лайкой, просто собакой.

Но я не могла.

Я была там — в космосе. В том месте, откуда нет возврата.

Через несколько месяцев моя капсула сгорела в атмосфере. Мое тело исчезло — растворилось в воздухе, в воде, в земле. Оно вернулось туда, откуда пришло — к планете, которую я любила. К планете, которая была моим домом.

Но я осталась.

Я осталась в воспоминаниях. Я осталась в легендах. Я осталась в звездах, на которые смотрят люди, когда хотят понять, зачем они живут.

Я — одна из тех, кто не вернулся.

Я — одна из тех, кто навсегда осталась в космосе.

Я — одна из тех, кто смотрит на вас сверху и видит ваши глаза, в которых отражается небо.

Я — Лайка.

Я — лающий космонавт.

Я — голос из тишины.

Я говорю с вами.

Вы слышите меня?

Когда-нибудь, в далеком будущем, человечество полетит к другим звездам. Оно построит города на других планетах, оно встретит другие цивилизации, оно узнает тайны Вселенной. Оно станет тем, кем всегда хотело стать — великим, могущественным, бессмертным.

Но оно не забудет нас.

Оно будет помнить тех, кто был первым. Тех, кто проложил дорогу. Тех, кто заплатил самую высокую цену — жизнью, которая была отдана за мечту.

Мы будем с ними. Мы будем всегда с ними — в каждом их шаге, в каждом их открытии, в каждом их триумфе. Мы будем их совестью. Мы будем их памятью. Мы будем их надеждой.

Мы — те, кто не вернулся.

Мы — те, кто остался.

Мы — те, кто любит.

Всегда.

Запись бортового самописца. Спутник-2. 3 ноября 1957 года. 12:00 по московскому времени.

— Температура критическая. Пульс учащается. Объект проявляет признаки сильного стресса. Показатели жизнедеятельности падают. Рекомендуются...

Запись обрывается.

Через минуту:

— Пульс отсутствует. Дыхание отсутствует. Объект не подает признаков жизни. Констатируем...

Голос диктора дрожит впервые за всю запись. Он пытается сохранить профессиональное спокойствие, но я слышу — слышу его боль. Слышу его страх. Слышу его горе.

Он не знает, что я слышу его.

Он не знает, что я все еще здесь.

Он не знает, что я прощаю его.

Он не знает, что я люблю его.

Он не знает, что я буду ждать его там, где нет боли.

Там, где есть только свет.

Там, где есть только я.

Я — Лайка.

Я — лающий космонавт.

Я — та, кто не вернулась.

Но я — та, кто навсегда осталась в вашем сердце.

Помните меня.

Помните всех нас.

Мы не умерли.

Мы стали звездами.

И мы смотрим на вас.

Всегда.

Всем, не вернувшимся из космоса, посвящается.

Они не умерли. Они просто ушли вперед.

И они ждут нас.

Там, где нет конца.

Там, где есть только вечность.

Там, где есть только любовь.

Часть первая. Глаза, которые видят серое

Глава 1. Кастинг

Стадион «Динамо» пахнет утренней землей после дождя — влажной, тяжелой, с примесью бензина от автобусов и той особенной московской пылью, которая оседает на шерсти, если долго лежать у бордюра. Тренер говорит, что запах — это память. Я не знаю, что такое память в его понимании. Для меня запах — это карта мира. Каждая лужа, каждый кирпич, каждый человек оставляют на этой карте свой след, свой отпечаток, свою историю.

Я лежу в вольере из металлической сетки и слушаю, как по коридору института ходят люди. Их шаги различаются: тяжелые, мягкие, быстрые, осторожные. У каждого — свой ритм. У каждого — свой запах. Тренер пахнет йодом и табаком, и еще чем-то кислым, что я не могу определить, но что неизменно вызывает во мне легкое беспокойство. Может быть, это страх. Может быть, это предчувствие.

— Лайка, — говорит он, присаживаясь на корточки перед сеткой. — Ну что, красавица, готовься. Сегодня решается твоя судьба.

Я вижу его лицо. Оно серое в утреннем свете — нет, не серое, а с множеством оттенков, которые я различаю, но которые человек, наверное, не заметил бы. На его щеке — едва заметная щетина, и каждая волосинка ловит свет по-своему. Я не умею читать лица так, как читаю запахи, но я чувствую: он волнуется. Его дыхание чуть быстрее обычного. Его сердце бьется ровно, но с той едва уловимой дрожью, которая бывает, когда человек говорит неправду или скрывает что-то важное.

— Ты должна пройти, — шепчет он, протягивая руку к сетке. — Понимаешь? Ты — самая лучшая. Самая красивая. Самая умная.

Я тычусь носом в его пальцы. Они пахнут металлом и чем-то еще — чем-то холодным, стерильным, ненастоящим. Таким запахом пахнут инструменты в лаборатории, куда меня иногда водили для "проверок". Там я не люблю бывать. Там нет живого запаха земли. Там пахнет смертью, хотя я не знаю этого слова.

— Самая лучшая, — повторяет он, и в его голосе я слышу ту же дрожь, что и в сердцебиении.

Я не знаю, что значит "самая лучшая". Я знаю, что я больше других, что я сильнее, что я быстрее — когда бегу, ветер обнимает мое тело и мне кажется, что я могу лететь. Но я не знаю, хорошо это или плохо. Люди говорят "хорошо", когда хотят что-то получить от тебя. "Плохо" они говорят, когда ты делаешь то, что им не нравится. Я стараюсь делать то, что им нравится. Потому что тогда они дают еду и глядят по голове, и их руки пахнут теплом.

Сегодня утром меня не кормили. Это странно. Обычно тренер приносит миску с кашей, и я слышу, как он размешивает ложкой, и этот звук для меня — музыка. Сегодня миски не было. Вместо нее он принес только воду и какой-то белый порошок, который растворил в ней. Вода пахла лекарством. Я не хотела пить, но он наклонил миску к моей морде, и я пила, потому что он сказал "пей" и потому что я доверяю его голосу больше, чем своему носу.

Теперь в животе странное чувство — пустота, но не та пустота, когда хочется есть. Другая. Я не могу объяснить это словами, потому что у меня нет для этого слов. У меня есть ощущения — теплые и холодные, приятные и неприятные. Это ощущение — где-то между. Я не знаю, что оно значит.

Сквозь сетку я вижу двор НИИ. Там растут деревья — старые, высокие, с корявыми ветвями. Их кора пахнет так, как пахнет время: терпко, горьковато, с оттенком гнили и жизни одновременно. На ветках сидят вороны. Они не двигаются, только смотрят на меня черными глазами, и я чувствую их взгляд, хотя он не пахнет и не звучит. Для меня это почти абстракция — видеть что-то, что не издает звука и не имеет запаха. Но вороны пахнут: они пахнут пылью, перьями, и смертью — той же смертью, что и лаборатория.

Я отворачиваюсь.

В коридоре слышны шаги. Много шагов. Люди идут — я слышу, как скрипят их ботинки о кафельный пол, и каждый скрип особенный. Три человека. Два мужчины и женщина. Женщина пахнет духами — резкими, сладкими, почти ядовитыми. Такими духами пахнет главная, которую все называют "Анна Павловна". Она никогда не гладит меня. Она смотрит на меня так, будто я не живое существо, а вещь. Может быть, так оно и есть.

— Готовьте первую группу, — говорит она. Ее голос звенит, как стекло. — Сегодня отбор.

Тренер встает. Его колени хрустят — такой звук я запоминаю навсегда. Он открывает клетку.

— Идем, Лайка. Идем, красавица.

Я выхожу. Земля под лапами — холодная, каменная, без запаха. Бетон. Я не люблю бетон. На бетоне не остается следов. Даже если я постою на нем, никто не узнает, что я здесь была. Земля — та, настоящая, теплая, пахучая — она помнит. Бетон — нет. Бетон мертвый.

Мы идем по коридору. Вдоль стен — белые, чистые, без запаха. Такие же, как в лаборатории. Здесь пахнет хлоркой и страхом. Я чувствую страх других собак, которые сидят в клетках по обе стороны. Они не воют, не скулят. Они молчат, забившись в углы. Их носы дрожат, они нюхают воздух и знают то, чего не знаю я: что здесь происходит что-то неправильное. Но они молчат. Потому что мы умеем молчать.

Тренер держит меня на поводке. Его рука дрожит. Я чувствую дрожь через поводок, и эта дрожь передается мне. Мы заходим в комнату. Белая. Светлая. Слишком светлая. Свет режет глаза, и я шурюсь, пытаясь разглядеть, что здесь есть. Столы. Аппараты. Провода. Люди в белых халатах. Они пахнут металлом, резиной и тем же страхом, что и другие собаки.

— Садитесь, — говорит Анна Павловна, и ее голос режет воздух, как нож.

Я сажусь. Я умею садиться по команде. Это легко. Тренер улыбается — его улыбка пахнет облегчением, смешанным с чем-то горьким. Он не смотрит мне в глаза. Он смотрит на Анну Павловну. Все смотрят на Анну Павловну. Она — центр. Она — та, кто решает.

— Параметры, — говорит она, и кто-то начинает читать с листа.

Я не понимаю слов. Я понимаю только интонации. В этих интонациях нет тепла. Есть только холодная, ровная, безжизненная оценка. Меня оценивают, как оценивают вещь — по размеру, по весу, по цвету глаз и длине шерсти. Я — не живая. Я — цифра. Я — строка в протоколе.

Но я чувствую запах тренера. Он пахнет потом и надеждой. И страхом. Страх — он как ржавчина, он въедается в шерсть, в кожу, в сердце. Я чувствую его в каждой клетке своего тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.